

УДК 81'23:39

«ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ» СМЫСЛОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

О.В. Голубева

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

Статья посвящена изучению маркеров смысловой неопределённости, которые являются выводимыми имплицитными компонентами значения разной степени конвенциональности. Неопределённость как универсальное свойство связано с языковыми и неязыковыми факторами, но практически всегда обусловлено позицией индивида, который выводит релевантный смысл в процессе познания и общения.

Ключевые слова: смысловая неопределённость, эвиденциальные смысловые опоры.

1. Введение

Деятельность человека представляет знаковую по природе глобальную коммуникацию, процесс непрерывного «живого» семиозиса (термин А.А. Залевской), позволяющий общаться, применяя ограниченное число знаков, в том числе и языковых, для выполнения множества действий и достижения множества целей. Отсюда, с функциональной точки зрения, инструментарий языка имеет безграничные возможности.

Включённость во все сферы деятельности человека обеспечивает постоянное эволюционирование языка как системы, делает границы значений единиц языка подвижными, позволяя сформировать смысловую зону, восприимчивую к потребностям индивида в процессе познания и общения (о трактовках значения в рамках ряда научных подходов см.: [4], [3: 83–131]). Гибкость структуры значения в ходе коммуникации способствует возникновению неопределённости, когда в силу лингвистических и / или экстралингвистических особенностей смысл сказанного не может быть истолкован однозначно.

2. Обсуждение и результаты

2.1. Подходы к проблеме неопределённости

Категория семантической определённости – неопределённости объединяет средства языка, которые либо детерминируют единичность имени, либо демонстрируют его отнесённость к классу сходных объектов, что, как правило, вербализуется артиклями. В рамках высказывания к этой категории относится актуальное членение, дейксис как способ референции, модальность, порядок слов (см.: [18: 349]).

Однако проблема семантической неопределённости, или неполноты знания [5: 5], может трактоваться значительно шире – как «семантическая доминанта в русской языковой картине мира», которая «навязана говорящему языком» и в определённом смысле «сближается с грамматическими показателями» [5: 12]. Маркеры семантической неопределённости, приводимые в работе Е.В. Падучевой (местоимения, наречия и т.д.), позволяют изучить, как этот феномен соотносится с субъектом и объектом: от чьего лица ведётся повествование, как проявляет себя субъект через идентификацию объекта. Другими словами, выделяется такой

параметр, как эгоцентричность, или прямое / косвенное проявление субъекта неопределённости (термин Е.В. Падучевой).

Мысль об универсальном характере феномена неопределённости подтверждает Ю.Д. Апресян, отмечающий, что «неодинаковая обработка одних и тех же смысловых различий – замечательная и характерная черта естественных языков» [1: 93]. Приводя примеры, учёный использует термины «ситуативная неопределённость» и «семантическая неоднозначность». Первый связывается со знанием реального положения дел и восстановлением смысла в конкретном предложении: например, *Он говорит по-французски vs. Он говорит по-французски?; Он чинит ботинки* (ситуативная неопределённость: сейчас чинит или умеет чинить?). Второй термин применяется, когда языковые средства не позволяют снять двусмысленность, здесь могут помочь только знания личности собеседника, его намерений: *Он сидел над диссертацией ночами* (в ночное время или в течение долгого времени?). Делая вывод, исследователь отмечает, что «одним из необходимых условий возникновения неоднозначности является природа характеризуемого объекта: неоднозначность возможна, если предметом обсуждения является человек или продукт его мысли» [там же: 77–78, 568].

Признание неопределённости / неоднозначности «навязанной» языком семантической доминантой, имплицитной универсалией естественного языка даёт возможность считать роль индивида (адресата и адресанта) ключевой в процессе понимания. Говорящий намеренно / ненамеренно использует это свойство, а адресат выводит подходящий смысл в зависимости от языкового, ситуативного или широкого социокультурного контекста, составляющего знание индивида о мире. Поэтому, с нашей точки зрения, целесообразно говорить о смысловой неопределённости как феномене, возникающем под влиянием объективных и субъективных, языковых и неязыковых факторов. Термин «смысл» трактуется в рамках психолингвистического подхода и рассматривается как отражение динамического развития объективной системы связей и отношений, составляющей значение единицы языка (работы А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, А.А. Залевской).

2.2. Единицы смысловой неопределённости

Выступая универсальным свойством языка, смысловая неопределённость предполагает наличие единиц, которые обеспечивают её возникновение, составляют имплицитный компонент значения и выводятся в зависимости от упомянутых выше факторов. Такие единицы связаны с понятием дейксиса, многозначности, омонимии, синтаксической редукции предложения или нестандартности контекстного употребления.

Явление дейксиса определяется как «указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами» [18: 128]. Поэтому идентифицировать значение ряда единиц языка можно только в конкретной ситуации общения в соответствии с координатами «я, здесь, сейчас», которые выступают точками отсчёта в ходе речемыслительной деятельности. К лексическим и грамматическим средствам, в чьём значении имплицитно представлена функция указания, относятся местоимения (*тот, этот, он, она* и т.д.), частицы (*вот, вон* и т.д.), наречия, предлоги (*здесь, сейчас* и т.д.), грамматические категории времени, таксиса, лица, категория вежливости.

Виды дейксиса, как правило, определяются в рамках названных выше координат, а также с уточнением отношения к ситуации *ad hoc* (видимый дейксис в «живой ситуации восприятия»), к контексту (анафорический дейксис) или к знанию субъекта об объекте / ситуации («мысленный» / «дейксис к воображаемому») (см. [2]). Однако граница между этими видами достаточно условная. Так, в следующем отрывке выделяется и видимый, и анафорический, и мысленный виды дейксиса:

“That is Weathertop”, said Strider. “The Old Road, which we have left far away on our right, runs to the south of it and passes not far from its foot. We might reach it by noon tomorrow, if we go straight toward it. I suppose we had better do so”. “What do you mean?” asked Frodo. “I mean: when we do get there, it is not certain what we shall find. It is close to the Road”. [15: 199].

В данном случае многократное употребление *it* и отсутствие маркеров грамматического рода делает референцию в оригинале неопределённой. Неясно, куда идут персонажи: к холму или дороге? О чём спрашивает Фродо: почему нужно спешить или зачем туда идти? Для снятия неопределённости переводчик применил смысловые замены, опущения и синтаксическую перестройку предложения:

– *Заветерь*, – показывая на него [холм], сказал Колоброд. – *Тут неподалёку проходит Забытый Тракт, завтра будем там. Лучшие бы нам поторопиться и идти напрямик.*
– *Почему?* – спросил Фродо.
– *Не знаю, что мы найдём там* [7: 220].

Нужно отметить, что осуществляя референцию в динамике общения, индивид может раздвинуть рамки узувального значения, приписав слову релевантные смыслы. В случае дейктиков этот процесс заметен при указании на место: *здесь* может трактоваться в рамках ближней и более отдалённой перспективы: «в этом месте», т.е. в этой комнате, в этом городе / стране; *сюда* – «в это место; в эту сторону» [17: 224, 774].

Причиной возникновения смысловой неопределённости может стать многозначность слова и / или наличие омонимичных форм.

Strider laid his hand on the shoulder. “There is still hope”, he said. “You are not alone. Let us take this wood that is set ready for the fire as a sign. ... Fire is our friend in the wilderness”.
“May be”, muttered Sam. “It is also as good a way of saying ‘here we are’ as I can think of, bar shouting”. [15: 206]

В переводе [7: 227] это замечание Сэма вообще отсутствует, что, вероятно, обусловлено смысловой неопределённостью, вызванной многозначным *bar* и его омонимичными формами. *Bar* в данном случае – это предлог, который трактуется как «*прер. уст. исключая, не считая*» [16: 150], что позволяет трактовать словосочетание *bar shouting* как *без крика*. Предложение целиком с учётом стилистики может быть переведено следующим образом: «*Так-то оно так*», – *пробурчал Сэм*, – «*и не кричаши всем скажешь: “мы здесь”*».

Во многом неопределённость «провоцируется» широкозначными словами *место*, *время*, *вещь* и т.д., которые «проявляют свойство понятийной (интенциональной) неопределённости» [6: 185–186], конкретизируются в языковом контексте или в ходе коммуникативной ситуации. В этом случае референтом становится потенциально любая поверхность, которую могут назвать *место*, или объект, обозначенный как *вещь*. Такая способность сближает широкозначные слова и имена соб-

ственные, референция которых формально ограничена гендерными и национальными рамками. Включение имени в нестандартный контекст ведёт к возникновению неопределённости и в художественной литературе применяется для создания стилистического эффекта. Например, в повести Р. Киплинга «William the Conqueror» мужское имя *William* принадлежит девушке (... *who answered indifferently to the name of William or Bill*), что априори имплицитно подразумевает наличие мужских черт характера: Вилли выглядит как сорванец, ездит верхом, использует «крепкие» словечки, решает за брата хозяйственные вопросы, играет на банджо и равнодушна к вниманию поклонников [12: 263–293].

Подобным образом могут заполняться смысловые лакуны при семантической неполноте или синтаксической редукции высказывания, когда имплицитный смысл, снимающий неопределённость, выводим «здесь и сейчас» (*Jane is late [to catch the train]* или *I'll be home later [tonight]*) [9: 468]. Такие имплицитные смыслы (имплицитурсы по К. Баху) – это результаты речемыслительной деятельности индивида, представленные в виде добавочных смыслов и обеспечивающие привязку дейктичных выражений к требованиям текущей ситуации. Сказанное выше даёт возможность утверждать, что семантика многозначных и широкозначных слов выступает своеобразным конвенциональным триггером смысловой неопределённости.

В процессе речемыслительной деятельности узуальное значение модифицируется под влиянием интенций, знаний говорящего, его разнообразного опыта, в том числе оперирования языком (о развитии эмотивных валентностей, например, см.: [8: 63]). По мнению Г.П. Грайса и его последователей смыслы, формируемые в динамике, должны изучаться в контексте психологии (*conventional meaning is to be defined in terms of psychology* [10: 63]). Психолингвистический подход к значению позволяет глубже изучить имплицитные компоненты значения, к которым индивид обращается для прояснения смысла «для себя».

Следует отметить, что любое взаимодействие с миром людей и вещей оставляет «следы» в памяти человека, существующие в виде репрезентаций реакций на объект (паттернов, схем). Такой процедурный опыт применяется неосознаваемо как удобный способ экономии когнитивных усилий. Нейронное моделирование запоминания действий с объектом – это этапный процесс: от кодирования (в виде паттерна) перцептивной информации о болевых ощущениях от занозы (q – кодируемая боль) – к реализации причинной связи, где p – посылка / причина боли (образ застрявшей в пальце занозы) – до вывода о причинно-следственной связи между посылкой и реакцией (если p , то q), который хранится в памяти и в дальнейшем позволит связать причину и результат [14: 452–459].

С нашей точки зрения, именно таким образом в процессе перцептивной, когнитивной, эмоционально-оценочной деятельности устанавливаются ассоциативно-семантические связи, эксплицируемые вербально. Индивид оперирует ограниченным системой языка набором средств для выражения неограниченного числа итогов деятельности, что может приводить к смысловым сдвигам, в том числе не всегда понятным другим участникам общения. Однако соблюдение принципа Кооперации (термин Г.П. Грайса) заставляет находить объяснения «для меня – здесь – сейчас», используя ранее созданные эвиденциальные смысловые переживания (опоры), «оправдывающие» любые смысловые переходы. Такие опоры имеют интегративную структуру (см.: [11]), которая обеспечивает потенциально релевантный контекст и устойчивые представления о референте / ситуации. Может показаться, что,

реагируя на слова собеседника, говорящий делает смысловой «скачок», но он всегда способен обосновать этот переход, а адресат вывести подходящий смысл.

Пример *Lisa has dropped by her neighbours, the Joneses, who have just sat down to supper: a. Alan Jones: Do you want to join us for supper? b. Lisa: No, thanks. I've eaten.* [13: 478] «провоцирует» смысловую неопределённость. Как отмечено в работе Д. Спербера и Д. Уилсон, грамматические маркеры времени *have eaten* указывают на совершение действия до момента речи, но в течение вечера, а выводимая пропозиция *не хочет / не желает есть* является смысловым стержнем. Причины отказа должны изучаться в рамках концепта EAT SUPPER [13: 478]. Однако с уверенностью можно сделать только конвенциональные выводы (импликатуры): девушка сыта / она на диете / имеет проблемы со здоровьем / религиозные мотивы / ей неприятны соседи и т.д. Учесть все возможные варианты инференций в рамках периферии концепта достаточно трудно. Здесь приходит на помощь накопленный индивидом опыт выведения релевантного смысла, дающий возможность прояснить ситуацию «для меня – здесь – сейчас».

Следовательно, в динамике коммуникации индивид может с разной степенью успешности справиться с любой неопределённостью, решив смысловую головоломку с помощью эвиденциальных смысловых опор, если ситуативные или контекстуальные условия в полной мере не обеспечивают понимания, либо передаваемый личный опыт оперирования языком доминирует по ряду причин (прайминг эффект).

Эту гипотезу можно проиллюстрировать переводами предложения *These time-varying fields radiate away from antenna into space as a moving transverse electromagnetic field wave* (изучено 52 работы):

1) обучающиеся передают смысл оригинала по-разному, демонстрируют уже сформированное образное представление о пространственно-временных параметрах, характере действия, в том числе с учётом положения наблюдателя и объекта:

– «от объекта» / наблюдателя – в пространство»: *Антенна излучает такие динамические поля в пространство / в космос в виде поперечной электромагнитной волны.* Антенна заявлена как активный субъект, совершающий направленное действие (*излучает / передаёт*) в пространство, в его отдалённую часть (*в космос*). Имплицитные смыслы, касающиеся значимости антенны как передатчика сигнала, делают её смысловым стержнем, задающим образное видение ситуации;

– внутри пространства («контейнера»): *Изменяющиеся во времени поля распространяются / передаются / расходятся в пространстве как поперечные электромагнитные волны.* Действие выполнено не антенной, а динамическими полями, излучаемыми от источника разнонаправлено. Замкнутость пространства передана предложным падежом существительного в отличие от дательного падежа в примере выше;

– «наблюдатель – пространство – объект»: *Динамические поля, изменяющиеся проходя сквозь пространство, становятся динамическими поперечными волнами.* Здесь внимание сконцентрировано не на движении, а на изменении волн в ходе контакта с окружающей средой, которая пронизывается (*сквозь*) направленным потоком излучения;

2) переводящие «приписывают» признаки объекту / действию, опираясь на эвиденциальные смысловые опоры. Так, толкование значений причастия *moving* и

наречия *away* не оправдывают добавлений о качествах устройства и действия: *Изменяющиеся во времени поля интенсивно передаются в пространство мощной антенной как поперечные электромагнитные волны.*

3. Заключение

Феномен неопределённости является имплицитным и выводимым компонентом значения и возникает в силу ряда причин: особенностей семантики единицы языка, интенций участников коммуникации, преследующих свои цели, степени их осведомлённости, потенциальной референциальной неоднозначности, которая разрешается в конкретном языковом контексте. Отсюда можно выделить 4 координаты, в рамках которых возникает и снимается / не снимается неопределённость, т.е. осуществляется процесс понимания: узуальное значение (его имплицитный компонент), языковой контекст, экстралингвистические условия коммуникативного акта (место, время и т.д.), индивид с его внутренним образом мира (внутренним контекстом, в терминологии А.А. Залевской).

В рамках этих координат можно определить уровневый характер единиц смысловой неопределённости: конвенциональный (лексические, грамматические, контекстуальные маркеры неопределённости), ситуативный (объективные и индивидуальные маркеры). Такое деление достаточно условно, так как, снимая неопределённость, в динамике познания и общения, индивид постоянно выводит смысл с учётом внутреннего источника информации (эвиденциальные смысловые опоры).

Таким образом, признание роли индивида, достоянием которого является слово (термин А.А. Залевской) даёт возможность глубже изучить процесс смыслоформирования в акте коммуникации, оценить результаты деятельности, отражённые в языке, который, по мнению Г.П. Грайса, является лучшей моделью человеческой мысли [11: 49–50].

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Бюлер К. Теория языка. 2-е изд. М.: Прогресс, 1993. 502 с.
3. Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания (психолингвистический подход): дис... докт. филол. наук. Тверь, 2016. 345 с.
4. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. IASHE: Лондон, 2014. 179 с.
5. Падучева Е.В. Неопределённость как семантическая доминанта русской языковой картины мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://https://docviewer.yandex.ru/view/193635342/?_1996.pdf
6. Семина И.А. Широкозначность и семантическая неопределённость // Филологические науки. 2009. № 1(3). С. 185–189.
7. Толкин Дж. Р.Р. Властелин колец. Первая часть. Братство Кольца / пер. с англ. СПб: «Северо-Запад», 1992. 480 с.
8. Штеба А.А. Аутопоззис эмоций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный журнал, 2019. № 1. С.117–128.
9. Bach K. Pragmatics and the philosophy of language // The Handbook of Pragmatics. Oxford: Blackwell, 2004. P. 463–487.
10. Chapman S. Paul Grice, Philosopher and Linguist. NY: Palgrave Macmillan Ltd., 2005. 247 p.

11. Grice H.P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1989. 394 p.
12. Kipling R. *William the Conqueror // Poems. Short Stories*. М. :Raduga Publishers, 1983. P. 263–293.
13. Sperber D., Wilson D. *Pragmatics // Oxford Handbook of Contemporary Analytical Philosophy*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. P. 468–501.
14. Thagard P. How brains make mental models // *Model-based reasoning in Science & Technology*, 2010. Vol. 314. P. 447–461.
15. Tolkien J. *The Lord of the Rings*. Harper Collins Publishers, 1990. 893 p.
16. Большой англо-русский словарь: в 2-х т./ Авт. Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин и др. 4-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. Т. I. 1038 с.
17. Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. 900 с.
18. Языкознание. Большой энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева; редкол.: Н.Д. Арутюнова, В.А. Виноградов, В.Г. Гак и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

FEFTY SHADES OF AMBIGUITY

O.V. Golubeva

The Kaluga state university, Kaluga

The paper covers the markers of ambiguity which are considered to be inferred conventional or non-conventional implicit meaning components. It is asserted that ambiguity as a universal property is influenced by linguistic and extra-linguistic factors but practically always is affected by relevant “internal” knowledge an individual possesses and infers in the process of cognitive and communicative activities.

Keywords: *ambiguity, evidential sense-formation patterns*

Об авторе:

ГОЛУБЕВА Ольга Васильевна – доктор филологических наук., профессор кафедры английского языка Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, e-mail: 2016golubeva@mail.ru.